

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

поиск начинается...

Я потерялся в поезде, когда был маленьким.
Спустя двадцать пять лет я нашел дорогу домой.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

САРУ БРАЙЕРЛИ

Кинообложка

Сару Брайерли
Долгая дорога домой

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Брайерли С.

Долгая дорога домой / С. Брайерли — «Эксмо»,
2013 — (Кинообложка)

ISBN 978-5-04-117988-5

Когда Сару было пять лет, он поехал с братом в другой город и потерялся в поезде, который привез его в неизвестное место. Не зная ни фамилии своей семьи, ни откуда он родом, маленький мальчик несколько недель прожил на улицах Калькутты, пока не попал в сиротский приют. Его усыновила семья из Австралии, окружив заботой и любовью. Несмотря на то, что Сару был счастлив со своими новыми родителями, он не мог забыть лица матери и родных братьев и сестер. Мальчик часами разглядывал карту Индии на стене своей спальни, а затем и Google Earth, гадая, где же находится то место, где он жил. Однажды он нашел то, что искал. И отправился в долгую дорогу домой, чтобы обнять свою мать.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-117988-5

© Брайерли С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	6
Сквозь дебри памяти	8
Как я потерялся	11
Выжить	22
Спасение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сару Брайерли
Долгая дорога домой
Посвящается Гудду

Пролог

Никого.

Об этом дне я мечтал двадцать пять лет. Я рос через полсвета отсюда в другой семье, под другим именем, не зная, увижу ли еще когда-нибудь мать, братьев и сестру. И вот стою здесь, у двери хлипкого дома в бедняцком районе пыльного городка в Центральной Индии – месте, где провел первые годы жизни, – и никого здесь нет. Пусто.

Последний раз я стоял на этом месте, когда мне было пять.

Дверь со сломанными петлями намного ниже, чем мне представлялось в детстве, – теперь пришлось бы наклониться, чтобы пройти. Стучать незачем. Сквозь окна и щели в осыпающейся знакомой кирпичной кладке видна комнатуха, где ютилась наша семья, с потолком едва выше моего роста.

Этого я больше всего и боялся, только прятал леденящий страх на задворках сознания. Боялся, что спустя годы поисков найду родной дом, а семьи там не окажется.

Чувствую себя потерянным, не знаю, что делать, – и не впервые в жизни. Мне теперь тридцать, в кармане лежат деньги и обратный билет, но я будто снова стою на той платформе много лет назад: дышать трудно, мысли мечутся, хочется изменить прошлое.

И тут открывается соседняя дверь. Из явно жилой части дома выходит девушка в красном с ребенком на руках. Мой вид ее, конечно, заинтересовал. Выгляжу я как местный, только одет по-западному, вещи слишком уж новые, а прическа модная и аккуратная – значит, иностранец, чужак. Дело осложняется еще и тем, что языка я не знаю, так что, когда она заговаривает, мне остается только догадываться: она спрашивает, что мне тут надо. Хинди я почти совсем забыл, даже не уверен, как произнести то немногое, что могу.

– Не говорю на хинди, говорю по-английски.

К моему изумлению, девушка отвечает:

– Я знаю английский – немного.

Показываю на дверь опустевшего жилища и перечисляю имена его бывших обитателей: Камла, Гудду, Каллу, Шекила. Потом показываю на себя и говорю:

– Сару.

На этот раз девушка не отвечает. Я вспоминаю, что в Австралии мама дала мне кое-что как раз на такой случай. Роюсь в рюкзаке и достаю мои детские цветные фотографии, распечатанные на листе А4. Снова указываю на себя и говорю «маленький», ткнув пальцем в мальчика на фотографиях – Сару.

Пытаюсь вспомнить, кто жил с нами по соседству в то время. Не было ли там малышки, которая, повзрослев, стоит теперь передо мной?

Она всматривается в фотографии, поднимает глаза на меня. Не уверен, понимает ли, но на этот раз неуверенно заговаривает по-английски:

– Люди... не живут здесь... больше.

Хотя в этих словах нет для меня ничего нового, они ранят. Голова идет кругом. Я стою как вкопанный, не в силах пошевелиться.

Я всегда понимал, что, даже если мне удастся разыскать дом, семья могла уже и переехать. Ведь и за то недолгое время, что я жил с ними, мы успели переселиться сюда. Бедняки не выбирают, где жить, матери приходилось браться за любую работу, какая только подвернется.

Глубоко запрятанные некогда мысли роятся в голове. И только одну – о том, что матери нет в живых, – я гоню прочь.

К нам направляется еще какой-то мужчина, и я повторяю свои расспросы, как мантру. Называю имена родных: матери – Камлы, братьев – Гудду и Каллу, сестры – Шекилы – и собственное – Сару. Он уже собирается что-то ответить, как к нам не спеша подходит еще один.

– Что тут? Вам помочь? – спрашивает он на чистом английском.

Первый раз с момента прибытия в Индию я могу с кем-то нормально объясниться и торопливо повторяю рассказ: мальчиком я жил здесь, но уехал с братом и потерялся, вырос в другой стране, не мог вспомнить даже названия деревни, но вот наконец нашел ее, Ганеш-Талай, и теперь разыскиваю мать, братьев и сестру. Камлу, Гудду, Каллу, Шекилу.

Рассказ мужчине как будто озадачил, так что я называю имена снова.

– Подождите. Вернусь через пару минут, – произносит он мгновение спустя.

Я лихорадочно соображаю: куда он? За кем-то, кто знает, где они? Может, даже даст адрес? Но понял ли он, кто я? Ждать приходится недолго. И слова этого мужчины я не забуду никогда:

– Идем. Я отведу тебя к матери.

Сквозь дебри памяти

В доме, где я рос, в Хобарте, на стене моей комнаты висела карта Индии. Моя мать – приемная мать, мама – повесила ее, чтобы я мог чувствовать себя как дома, когда меня усыновили в возрасте шести лет, в 1987 году. Ей пришлось объяснять мне, что изображено на карте, так как до этого я в школу не ходил и даже не знал, что такое карта, не говоря уж о том, чтобы представлять себе очертания Индии.

По всему дому мама расставила индийские безделушки: индусских божков, латунные фигурки и колокольчики, статуэтки слонов. Я тогда еще не понимал, что в обычном австралийском доме таких не увидишь. Еще она украсила шкаф в моей комнате драпировками с индийским узором и принесла вырезанную из дерева марионетку в цветастом наряде. Каждая вещица казалась смутно знакомой, даже если точно таких же я никогда раньше не видел. Иной родитель решил бы, что я еще совсем маленький и могу начать жизнь в Австралии с чистого листа, что незачем растить меня с оглядкой на родину. Но ведь цвет кожи всегда служил бы мне напоминанием о корнях, да и не просто же так мама с папой решили усыновить мальчика из Индии.

Все детство я разглядывал карту, на которой мельтешили сотни названий. Еще задолго до того, как научился читать, я знал, что внушительный треугольник Индостана испещрен городами и деревнями, пустынями и горами, реками и лесами. Ганг, Гималаи, тигры и боги! Они меня завораживали. Я подолгу рассматривал карту, раздумывая о том, что среди всех этих названий есть место, откуда я родом, где появился на свет. Я знал, что называется оно «Гинестлей», но относится ли слово к городу, деревне или даже улице и где искать его на карте – не имел понятия.

Я даже не знал толком, сколько мне лет. В бумагах значилось, что я родился 22 мая 1981 года – год вычислили индийские власти, а дату выбрали по дню, когда я попал в приют, откуда потом меня и усыновили. Что может рассказать напуганный неграмотный мальчишка о том, кто он и откуда?

Поначалу родители даже не знали, как именно я потерялся. Им сказали только – да больше никто ничего и не знал, – что меня подобрали на улице в Калькутте и после безуспешных поисков семьи отправили в приют. К радости всех нас, я попал в семью Брайерли. Так что сначала родители показали мне на карте Калькутту и сказали, что я оттуда, хотя на самом деле это название я впервые услышал тогда от них. И только спустя год, когда я более-менее освоил английский, смог объяснить, что вовсе я не из Калькутты, – туда меня привез поезд с железнодорожной станции неподалеку от «Гинестлея», а сама станция называлась не то «Брамапур», не то «Берампур»... точно не помнил. Знал только, что от Калькутты это далеко и что никто не сумел помочь мне отыскать то место.

Конечно, когда я только приехал, думать надо было больше о будущем, чем о прошлом. Мне предстояло влиться в новую жизнь в мире, совсем не похожем на тот, что был мне знаком. И родители приложили немало усилий, чтобы помочь мне преодолеть все возникавшие трудности. Мама не настаивала, чтобы я как можно скорее выучил язык, понимала, что это случится само собой. Чем понукать меня, она больше думала о том, как окружить меня теплом и заботой, завоевать доверие. А для этого слова не нужны.

Еще она была знакома с живущей по соседству индийской парой, Салин и Джейкобом, мы частенько ходили к ним в гости, где нас угощали индийской едой. Они говорили со мной на родном языке, хинди, задавали простые вопросы, переводили просьбы родителей и их объяснения о том, как мы теперь будем жить вместе. В силу бедняцкого происхождения я и на хинди-то говорил еще не особо хорошо, но то, что теперь хоть кто-то меня понимал, весьма помогало освоиться в новых обстоятельствах.

Мы знали, что все, что родители не могли объяснить жестами и улыбкой, переведут Салин и Джейкоб, так что языковой барьер не мешал.

Как и всякий ребенок, новый язык я учил быстро. Но о прошлом в Индии поначалу рассказывал мало. Родители не настаивали и ждали, пока сам созрею, а я как будто и не слишком о том задумывался. Мама вспоминает, что однажды лет в семь я ни с того ни с сего вдруг захныкал и закричал: «Я добыл!» Как позже выяснилось, я расстроился из-за того, что забыл дорогу от своего индийского дома до школы – прибежал туда посмотреть на учеников. Мы тогда решили не придавать этому значения. Но в глубине души я это пустяком не считал. Кроме воспоминаний, меня с прошлым ничего не связывало, так что, оставаясь в одиночестве, я проигрывал их в голове снова и снова, пытаюсь убедиться, что ничего не «добыл».

Не сказать, что я когда-либо забывал о корнях. По ночам воспоминания вспыхивали особенно ярко, и потом еще было непросто успокоиться, чтобы уснуть. Днем было проще – столько всяких дел! Но и тогда мысленно я возвращался в Индию. Из-за этого, и еще собственной решимости не забывать, я сберег четкие воспоминания о детстве там, они складывались в почти полную картину: семья, дом и трагические обстоятельства, которые нас разлучили, ничуть не поблекли в моем сознании, некоторые даже сохранились во всех подробностях. Часть из них приятна, часть – болезненна, но одно неотделимо от другого, и я бы ни от одного не отказался.

Привыкание к новой стране и культуре шло не так уж трудно, как можно подумать, в основном потому что жизнь в Австралии была куда более устроенной, чем та, что я вел в Индии. Конечно, больше всего на свете я мечтал найти маму, но, осознав, что это невозможно, понял, что теперь главное самому не пропасть. Родители с первого дня приняли меня со всей душой, часто обнимали, чтобы я чувствовал себя защищенным, любимым и главное – желанным в их доме. А для ребенка, который потерялся и знал, каково быть никому не нужным, это многое значило. Я быстро к ним привязался и вскоре стал полностью доверять. Даже в шесть лет (будем считать, что я родился в 1981-м) понимал, какая редкая удача мне выпала. Так я стал Сару Брайерли.

Почувствовав себя в безопасности в новом доме в Хобарте, я, наверное, решил, что неправильно заикливаться на прошлом, что новая жизнь должна вытеснить старую, а потому ночные размышления держал при себе. Все равно поначалу мне бы и не хватило языка обо всем рассказать. К тому же я не совсем понимал, насколько мой случай необычен, – грустил, конечно, но думал, что такое случается. Только потом, когда стал рассказывать людям о себе, по их реакции понял, что история моя необыкновенна.

Порой ночные мысли находили отражение и в жизни днем. Помню, как родители меня взяли на индийский фильм «Салам, Бомбей!». Его сюжет о мальчишке, который в одиночку борется за выживание в кипящем жизнью городе и надеется вернуться к маме, так сильно напомнил мне собственную судьбу, что я начал всхлипывать прямо в зале, а родители не могли понять, в чем дело – они-то хотели как лучше.

Воспоминания вызывала к жизни даже любая печальная музыка (в особенности классическая). Меня мог растревожить вид плачущего ребенка и даже просто звук детского плача, но сильнее всего кошки скреблись, когда я видел семью с оравой ребятишек. Думаю, даже осознавая, насколько мне повезло, я видел в них то, чего лишился.

Но постепенно стал рассказывать о прошлом. Уже через месяц после приезда я описал Салин мою семью: мать, сестру, братьев – и как разлучился с братом и потерялся. Вдаваться в подробности не было сил, но Салин только тактично слушала то, что я был готов сказать, и не давила. Постепенно, по мере того как осваивал язык, я начал рассказывать родителям больше, например, что отец бросил нас, когда я был крохой. Но по большей части я жил настоящим: ходил в школу, заводил друзей, открывал в себе любовь к спорту.

И вот как-то в дождливый выходной, примерно год спустя после моего приезда, я удивил маму – и самого себя, – начав рассказывать о жизни в Индии. Наверное, пообвыкся на новом месте, да и выразить себя уже было легче. Я вдруг понял, что еще никогда не был так разговорчив: рассказывал, что мы были настолько бедны, что часто ходили голодными, и о том, как мама посылала меня с кастрюлей обходить соседские дома, выпрашивая каких-нибудь остатков со стола. Рассказ давался нелегко, так что мама меня все время обнимала. Она предложила вместе нарисовать карту моей родной деревни, и, пока она рисовала, я показывал, где на улице стоял наш дом, как пройти к реке, где играла вся детвора, а где мост, под которым шла дорога до станции. Мы водили пальцем по маршруту, а потом рисовали обстановку в доме до мелочей. Обозначили, где спал каждый из членов семьи, указали даже, в каком порядке ложились спать. Потом мы еще не раз возвращались к карте и дополняли ее, по мере того как мой английский становился свободнее. Но из-за того вихря воспоминаний, который пробудился во мне в первый раз, когда мы сели за карту, я стал рассказывать маме о том, как потерялся, а она потрясенно смотрела на меня и записывала. Она нарисовала на карте волнистую линию в направлении Калькутты и подписала: «очень дальняя дорога».

Спустя пару месяцев мы отправились в Мельбурн на встречу с другими ребятами, которых усыновили из того же калькуттского приюта. Бойкая болтовня на хинди с такими же, как я, неизбежно воскресила во мне яркие воспоминания. Я тогда впервые сказал маме, что место, откуда я родом, называется Гинестлей. Когда же она спросила, где это, ответил невпопад, но уверенно:

– Отвези меня туда, и я тебе покажу. Я знаю дорогу.

Впервые со времени приезда в Австралию произнести название родного места было огромным облегчением. Вскоре после этого я даже еще подробнее рассказал обо всем любимой школьной учительнице. Не менее пораженно она записывала за мной добрых полтора часа. Насколько странной мне казалась Австралия, настолько же маме и учительнице казался диковинным рассказ об Индии, они как будто слушали о другой планете.

* * *

Я им поведал о местах и людях, о которых не переставал думать с тех пор, как приехал, и о которых буду думать еще не раз. Нет ничего удивительного в том, что память сохранила не все. Иногда я путаю какие-то мелочи, например, в каком порядке происходили некоторые события или сколько дней между ними прошло. А еще бывает сложно отличить, что я действительно думал и чувствовал в тот момент и какие мысли и чувства наложились на воспоминание за следующие двадцать шесть лет. Я бесконечно гонял их по кругу, чтобы выудить из прошлого хоть какую-нибудь подсказку, так что кое-какие детские воспоминания могли искажаться, однако большая их часть будто стоит у меня перед глазами. А тогда я просто испытал облегчение, рассказав свою историю, как сам ее понимал. Теперь же, когда два года назад моя жизнь круто изменилась, я с трепетом думаю, что мой опыт может заронить зерна надежды и в других.

Как я потерялся

В первую очередь мне вспоминаются дни, когда приходилось приглядывать за сестренкой – Шекилой, ее смеющееся чумазое личико, когда я играл с ней в «ку-ку». И долгие теплые вечера в жаркие месяцы, когда наша семья собиралась вместе с соседями по дому во дворе. Кто-то играл на местной разновидности фисгармонии, остальные пели. Мне было так хорошо, я чувствовал себя своим. Женщины выносили лежанки и одеяла, мы укладывались, тесно прижавшись, и перед тем, как закрыть глаза и уснуть, смотрели на звезды.

Так было заведено в нашем первом доме, где я родился. Его мы делили еще с одной семьей. Каждая из семей занимала свою часть большой главной комнаты с кирпичными стенами и полом из коровьего навоза, земли и соломы. Жилище было простым, но это точно не был чоул – типичный трущобный дом в мегаполисах вроде Мумбаи и Дели, разбитый на отдельные клетушки для нищих семей.

Несмотря на тесноту, жили все дружно. Воспоминания о тех днях – для меня одни из самых счастливых. Мама исповедовала индуизм, а папа – ислам. Такой брак – редкость по тем временам, и долго он не продлился. Отец проводил с нами мало времени: потом я узнал, что он взял вторую жену. Так что маме пришлось растить нас одной. Хотя мы не были мусульманами, она перевезла нас в исламскую часть городка, где я и провел большую часть детства. Мама была очень красивой, стройной, с длинными блестящими волосами, мне она запомнилась как самая прекрасная женщина в мире. А кроме мамы и сестренки у меня было двое братьев, я их обожал и на них равнялся.

После переезда мы жили уже одни, но в жилье потеснее – в одной из трех каморок на нижнем этаже здания из красного кирпича. Пол был такой же – из земли и навоза. Правда, в одном углу единственной комнаты стоял небольшой очаг, а в другом – глиняный чан с водой, откуда мы брали воду для питья и иногда – стирки. Полка была всего одна, там мы хранили одеяла. Стены осыпались, так что мы с братьями иногда забавы ради вынимали кирпич и выгладывали на улицу, потом возвращая его на место.

Климат в этой местности был в основном сухим и жарким, не считая сезона дождей, когда шли затяжные ливни. В отдалении виднелась гряда холмов, где брала начало река, протекавшая за старыми городскими стенами. В сезон дождей она выходила из берегов и наводняла окрестные поля, а когда дожди прекращались, постепенно возвращалась в русло, так что мы выходили половить рыбешку на мелководье. В сезон дождей вода заливала и переход под железной дорогой, так что пройти было невозможно. В сухое время мы обожали играть там, даже не обращая внимания на пыль и щебенку, иногда осыпавшие нас при проезде состава.

Наш район считался очень бедным. В те годы, когда я носился по его кривым немощеным улочкам, он служил обиталищем множества железнодорожных рабочих нашего города. В глазах состоятельных и уважаемых горожан мы были во всех смыслах худыми людьми. Там почти ничего не строилось, а некоторые дома того и гляди могли рухнуть. Те, кто жил не в муниципальных домах, ютились в таких же крошечных, как и мы: с узкими извилистыми коридорами, в одной-двух комнатах, обставленных лишь самым необходимым – парой полок, низкой деревянной кроватью и, может, краном над сточным отверстием.

Кроме стаек нас, детей, по всему городу вальяжно бродили коровы, даже в самом центре, где они могли разлечься и спать на самой оживленной улице. По ночам на углах улиц вповалку спали свиньи, которые днем разбредались, ища, чем поживиться. Они будто работали по графику с девяти до пяти, и в урочное время шли домой спать. Никогда нельзя было сказать, были ли у них хозяин, они просто бродили по округе. А мусульманские семьи еще держали коз и кур, вечно возившихся в пыли. Увы, собак тоже бегало много, их я боялся. Некоторые были беззлобными, но многие – злощими и непредсказуемыми. Особенно я стал бояться собак после

того, как одна за мной погналась с рычанием и лаем. Убегая, я споткнулся и ударился головой о кусок битой плитки, торчащий из старого тротуара. Повезло, глаз уцелел, но я сильно рассек бровь – сосед наложил мне повязку. Наконец, отправившись домой, я столкнулся с Бабой, человеком, которого мы почитали как местного святого, дервиша, и он сказал мне больше никогда не бояться собак – они кусают, только если чувствуют страх. Совету я старался следовать, но, видя собаку на улице, все же нервничал. От матери я знал, что некоторые еще и разносят смертельные болезни, которые можно подхватить, даже если они лишь слегка цапнут. Собак я не люблю до сих пор, а шрам все еще виден.

После ухода отца маме пришлось работать, чтобы нас прокормить. Вскоре после рождения Шекилы она начала работать на стройках, с рассвета до заката носила на голове тяжести под палящим солнцем шесть дней в неделю. Так что видел я ее не слишком часто. Часто искать работу приходилось в соседних городках, тогда она не возвращалась домой по несколько дней. Случалось, что мы видели ее пару раз в неделю. И все равно ей не удавалось заработать достаточно на себя и четверых детей. Чтобы помочь нам сводить концы с концами, Гудду лет с десяти стал подрабатывать в ресторане посудомойщиком. Но и тогда мы нередко оставались голодными.

Мы жили одним днем. Не раз нам приходилось выпрашивать еду у соседей и попрошайничать на улице у рынка или станции, а все же с трудом, но как-то день за днем выживали. Каждый раз по утрам все покидали дом в поисках хоть чего-нибудь: еды или денег. В конце же дня возвращались, выкладывали на стол, кто что смог достать, и всё делили. Помню, что почти всегда у меня сосало под ложечкой, но странное дело: меня это как будто не особенно волновало. Я просто привык и принимал все как должное. Мы были тощими детьми с распухшими от голода животами. Недоедали, конечно, но так было тогда с детьми бедняков по всей Индии, ничего необычного.

Как и всем детям в округе, нам с братьями приходилось проявлять изобретательность, чтобы добыть себе пропитание. Иногда просто сбивали камнями манго с чьего-нибудь дерева. Но бывало, ввязывались и в авантюру покрупнее.

Однажды, возвращаясь домой, мы решили пойти окольным путем через поля и наткнулись на большой курятник метров 50 в длину. Его охраняли сторожа с ружьями, но Гудду решил, что в него все равно можно безнаказанно запустить лапы. И мы придумали план: посидим в засаде, пока сторожа не пойдут гонять чай, и тогда я проникну внутрь – я ведь мал ростом, не заметят. А Гудду и Каллу – за мной. Гудду велел нам подвернуть передние края рубашек и набрать как можно больше яиц, потом выскочить и нестись домой.

Из укрытия мы наблюдали за сторожами, выждали, пока они с работниками пойдут обедать лепешками роти, запивая их чаем масала. Нельзя было терять ни минуты. Я прошмыгнул внутрь и стал сгребать яйца. Подоспевшие Гудду и Каллу тоже принялись за работу. Но куры всполошились, раскудахтались и привлекли внимание сторожей. Они ворвались в сарай, оказавшись всего метрах в двадцати, и мы дали стрекача.

– Деру! – крикнул Гудду.

Мы кинулись врассыпную. В скорости охранникам было с нами не тягаться, а они, на наше счастье, не стали стрелять. Спустя несколько минут я понял, что удрать удалось, и спокойным шагом направился к дому. Увы, но забег яйца не перенесли. Из девяти целыми доехали всего пара, остальные только заляпали мою рубашку. Оказалось, братья меня опередили, и мама уже поставила на огонь сковороду. Спасти удалось десяток яиц – достаточно, чтобы всех накормить. Я коршуном наблюдал, как мама положила первую порцию на тарелку Шекилы, и не удержался – схватил кусок и бросился вон, не обращая внимания на оглушительный плач сестры.

В другой раз я рано проснулся от голода, но обнаружил, что дома ни крошки. Вспомнил, что приметил неподалеку поле незрелых помидоров и отправился туда в надежде утолить

голод. Утро было прохладным, и я так и пошел, завернувшись в одеяло. Добравшись до поля, протиснулся в дырку в ограде с колючей проволокой, и спустя мгновение уже срывал помидоры, заодно уплетая часть прямо на месте, впиваясь в терпкую мякоть. Вдруг раздался громкий свист, и я увидел пять-шесть парней, несущихся ко мне через поле. Я стремглав бросился к ограде и юркнул в дыру, понимая, что для них она окажется слишком мала. И тут столь ценное для меня красное одеяло зацепилось за колючую проволоку. Преследователи нагоняли, так что ничего не оставалось, кроме как бросить его. Когда я вернулся, мама обрадовалась принесенным помидорам, но из-за одеяла мне сильно влетело. Однако она не побила меня, как сделали бы большинство родителей на ее месте; она никогда не поднимала руку ни на одного из нас.

А в другой раз попытка достать еду чуть не стоила мне жизни. Я подрядился перетащить по главной улице десять крупных арбузов до развала на городском рынке. Торговец пообещал немного денег, а я надеялся, что он еще и угостит меня кусочком, когда я управлюсь. Но арбузы были большими, а я – маленьким, и на оживленной улице не успел увернуться. И вот я уже лежу на выпачканной смолой дороге, из головы сочится кровь, а валяющийся рядом арбуз превратился в алое месиво. Повезло, что сама голова также не раскололась, – я попал под колеса мчавшегося мотоцикла. Нога тоже болела. Мотоциклист меня пожалел и довез до дома. Я проковылял внутрь. Мама чуть с ума не сошла, тут же отвела к доктору, и меня перебинтовали. Не знаю, как она с ним расплатилась.

Чем старше становились братья, тем меньше времени они проводили в Гинестлее – осваивали новые охотничьи угодья, спали на вокзалах и под мостами. Изредка наш дервиш, Баба, присматривал за мной и Шекилой в мечети или брал меня на реку рыбачить с помощью длинной бамбуковой палки и лески. В остальное время за нами приглядывали соседи либо мы оставались с Гудду в ресторане, где он драил в тазу кастрюли и сковородки.

* * *

Рассказ получился невеселый, но, думаю, мы были вполне счастливы, хотя, конечно, мечтали о лучшей жизни. Часто по утрам я первым делом отправлялся к местной школе, слоняясь у ворот, смотрел, как идут ученики в форме, и мечтал стать одним из них. Но семья не могла себе позволить отправить меня в школу. Я немного стыдился своей бросавшейся в глаза неграмотности. Не умел ни читать, ни писать, слов тоже знал мало, а потому говорил односложно и редко.

Больше всего я был привязан к сестренке Шекиле. Когда малость подрос, стал о ней заботиться. В мои обязанности входило присматривать за ней, кормить и купать. Мы спали на одной кровати, а когда просыпались, я приносил все, что только смог раздобыть на завтрак. Мы вместе играли в «ку-ку» и прятки. Шекила была такая маленькая и очаровательная! Ей тоже нравилось проводить со мной время, и она бегала за мной хвостом, а я ее защищал и всегда был готов кинуться на помощь, если кто-то ее обижал. Я ни о ком так не заботился, как о Шекиле, и проявлял всю ответственность, на которую только способен такой маленький ребенок. Хотя старшим был Гудду, Каллу относился к нему примерно так же. Временами Гудду брался за некоторые подработки, чтобы помочь семье, и Каллу заботился о нем, как об одном из наших добытчиков. Младший брат следил за тем, чтобы старшему всегда хватало еды, а если тот не приходил домой – за тем, что он спит в безопасном месте. Отца у нас не было, мама часто была на заработках, так что приходилось заботиться о себе самим.

Большую часть времени я проводил в доме или нашем дворе. Целыми днями сидел на земляном полу в одиночестве, не особенно прислушиваясь к разговорам, наблюдая за жизнью вокруг, а рядышком спала Шекила. Иногда присматривавшие за нами соседи разрешали мне отойти немного подальше, чтобы насобирать хвороста для очага, и тогда я притаскивал охапки и сбрасывал их у стены. Временами удавалось заработать монетку, пайсу, а то и две, на леде-

нец, помогая местному лавочнику перетаскать деревянные рейки. Их следовало складывать за оградой у входа в магазин. Но чаще я просто сидел один во дворе. Телевизора или радио у нас не было. Книг и газет тоже, хотя я, конечно, и прочесть их все равно бы не смог. Вот такое нехитрое существование.

Рацион наш тоже был прост: лепешки роти, рис и похлебка дал, в которую изредка добавляли немного овощей, если получалось их раздобыть. В наших местах фрукты выращивали, но они считались роскошью, и их обычно продавали за наличные. Деревьев же, откуда фрукты можно было стянуть, в округе было немного. Как и городские огороды, их хорошо охраняли. Мы настолько привыкли к голоду, что уже сроднились с ним.

Днем ребята из школы выходили поиграть после уроков, и меня отпускали гулять с ними. Иногда мы играли в крикет на любом свободном клочке земли. Еще мне нравилось ловить бабочек, а когда темнело – светлячков. А кроме того, я обожал запускать воздушных змеев. Их мастерили из того, что было под рукой: бумаги и палочек, – но даже на самого простого нужно было немного денег. Так что, если мне хотелось себе воздушного змея, приходилось высматривать застрявшего на дереве и лезть за ним, насколько опасным бы это ни было. Зато можно было устраивать захватывающие воздушные битвы. Для этого нить облепляли песком, и она могла перерезать нити соперников. Если сделать это удавалось, змей неприятеля улетал. Еще дети играли в шарики, но чтобы купить шарик, нужны были деньги.

По-настоящему близких друзей у меня не было, может, потому что в этот район мы переехали или я сам не спешил доверять незнакомцам. И потому почти все время увязывался за братьями, в которых души не чаял.

По мере того как я подрастал, мне разрешали уходить от дома подальше, и друзей-сверстников у меня прибавлялось. Иногда я оставлял Шекилу одну, понимая, что какое-то время она спокойно может обойтись и без меня. Уверен, на Западе это даже запрещает закон, но в нашем городишке такое было в порядке вещей, если родители были заняты. Меня и самого нередко оставляли одного, так что совесть меня не мучила.

Как и всякий ребенок, поначалу я боялся далеко отходить: случись что, я пробегу улицу, поворот – вот уже и дома. Однако постепенно стал доходить до центра городка. Иногда мы с братьями спускались к реке за плотиной, а путь был неблизким – за городскую черту. Там мы смотрели, как рыбаки закидывают неводы.

К тому времени Гудду и Каллу было по четырнадцать и двенадцать лет, дома они почти не появлялись. Я их видел не чаще двух-трех раз в неделю. Они жили своим умом, рыскали по улицам в поисках пропитания, а ночевали в основном на вокзалах, где иногда можно было разжиться едой или деньгами, подметая полы. Большую часть времени они проводили в соседнем городке в нескольких остановках к югу от нашего, примерно в часе езды. От них я слышал, что Гинестлей – захудалое местечко, а сами они предпочитали какой-то «Берампур», я потом не мог точно вспомнить название. Там с едой и деньгами было полегче, и там же у них появились друзья, с которыми они вместе ездили туда-сюда зайцем.

Случалось, братья и меня брали в возрасте лет четырех-пяти. Когда кондуктор требовал билет, мы соскакивали, а после запрыгивали на следующий поезд. Мы проезжали пару полустанков – простых платформ посреди полей – и прибывали на вокзал Берампура, который был поменьше нашего в Гинестлее и располагался на окраине города. Но дальше него братья меня не пускали – в город, где я мог потеряться, мне было нельзя. Так что, пока они работали, я ошивался на вокзале, а после мы ехали домой. Пусть еды у нас не хватало, зато свободы было вдоволь, и нам это нравилось.

Однажды вечером – мне тогда было пять – я, уморившись после целого дня беготни и игр, сидел дома в предвкушении ужина, на который соберется почти вся семья. Мама пришла с работы, и даже Гудду на удивление приехал нас провести. Не хватало только Каллу. В тот раз мы ели все вместе, но Гудду провел с нами всего час. Он был старшим из нас, так что больше

всего я подражал ему. Перед тем он какое-то время не появлялся дома, так что мне не хватало наших с ним и Каллу вылазок. Тогда я уже чувствовал себя достаточно взрослым и не хотел оставаться дома, пока они путешествуют.

Когда мама вышла, видимо, хотела достать еще еды, Гудду заявил, что уходит, – возвращается в Берампур. Мысль о том, что снова придется остаться дома, как маленькому, была невыносима.

– Я с тобой! – вскочил я.

Уже вечерело, так что вряд ли бы Гудду успел вернуть меня домой в тот же день. Пришлось бы держаться вместе. На мгновение он замешкался, но согласился. Я был вне себя от нетерпения! Шекилу мы так и оставили сидеть на полу, а сами смылись еще до возвращения мамы. Но она бы, наверное, не слишком волновалась, я ведь был с братом.

И вскоре я уже заливался смехом, сидя перед Гудду на набиравшем скорость арендованном велике. Мы мчались по тихим улицам к вокзалу. Лучше не придумаешь! Я и раньше путешествовал с братьями, но в тот вечер все было по-другому. Мы сорвались, не думая, когда вернемся домой или где придется ночевать, так Гудду прежде делал только с Каллу. Я не знал, сколько Гудду разрешит мне пробыть с ним, но, пока мы неслись по улицам, и не задумывался о том.

До сих пор помню ту поездку во всех подробностях. Я сидел на раме прямо у руля, свесив ноги почти до оси колеса. Дорога была тряская, вся в выбоинах, но это ничуть моей радости не омрачало. В воздухе летало множество светлячков, и мы проехали мимо ловивших их детей.

– Привет, Гудду! – крикнул какой-то мальчик, но мы помчались дальше.

Я гордился тем, что весь город знает Гудду. Однажды я даже слышал, как о нем говорили в поезде, – вот каким он был знаменитым, как мне казалось. Пока мы ехали по темноте, приходилось смотреть во все глаза, чтобы не сбить никого, особенно под низким железнодорожным мостом. Гудду сказал, что остаток пути придется пройти пешком. Может, везти меня ему было тяжело. Так что я спрыгнул, а он повез велосипед к вокзалу по главной улице мимо торговцев чаем. Подойдя ко входу, Гудду затолкал арендованный велик в кусты, и мы пошли по переходу ждать ближайшего поезда.

К тому времени, как он со скрежетом подъехал и мы вскочили на подножку, меня уже клонило в сон. Мы постарались поудобнее устроиться на жестких деревянных сиденьях, но запал начал таять. Когда поезд тронулся, я положил голову на плечо Гудду. Было уже довольно поздно, а ехали мы примерно час. Не знаю, пожалел ли Гудду о своем решении взять меня с собой, но я успел раскаться: обычно, когда мама уходила на работу, я должен был следить за Шекилой, а теперь не знал, когда вернуться.

К тому времени, как мы сошли в Берампуре, меня настолько клонило в сон, что я повалился на деревянную скамейку на платформе и сказал, что никуда не пойду, пока хоть немного не отдохну. Гудду согласился – все равно у него еще были какие-то дела в городе.

– Только сиди здесь, и с места ни шагу. Я скоро вернусь, и тогда вместе поищем ночлег.

Наверное, он собирался раздобыть еды или поискать монеток у платформы. Я улегся, закрыл глаза, и должно быть, тут же провалился в сон. Когда проснулся, вокруг было очень тихо, станция вымерла. С трудом разлепив глаза, я огляделся в поисках Гудду, но не нашел. На том же пути, по которому мы приехали, стоял состав, дверь в вагон была открыта, но я понятия не имел, тот же ли это поезд и сколько времени я проспал.

Потом я не раз пытался вспомнить, о чем же именно думал в тот момент. Я еще не отошел от сна и испугался, оставшись на станции один. Мысли мешались. Гудду не вернулся, но он говорил, что идти ему недалеко, – может, он в поезд вернулся? Я поплелся к вагону и забрался по лестнице, чтобы проверить. Помню, что увидел каких-то спящих людей и попытался – они могли проснуться и позвать кондуктора. Гудду велел сидеть на месте, но он, наверное, просто

работал в другом вагоне, выметал грязь из-под сидений. А что, если я снова засну на темной платформе, поезд тронется, а я так и останусь один?

Я заглянул в другой вагон, но там никого не оказалось. Впрочем, идти мимо пустых деревянных сидений было не так страшно, как сидеть на безмолвной станции. Гудду скоро придет, улыбнется и заберет меня, может, даже угостит чем-нибудь, что он нашел во время уборки.

Состав был длинный, обыскать предстояло немало. Иногда я снова сладко засыпал.

И, видимо, в какой-то момент меня сморило надолго. Когда я проснулся, уже наступило утро, солнце всю светило мне прямо в глаза. И по тряске я понял, что поезд едет, слышался мерный перестук колес.

Я вскочил. В вагоне по-прежнему никого не было, за зарешеченным окном быстро проносился пейзаж. Брата нигде не было. И никто меня не разбудил – маленького мальчика, в одиночестве спящего в движущемся поезде. Вагоны третьего класса между собой никак не сообщались, чтобы попасть в свой, пассажиры входили и выходили через двери в начале и конце вагона. Я бросился в хвост и попробовал открыть двери с обеих сторон, но обе оказались закрыты или, во всяком случае, не поддались. Побежал в другой конец – и там закрыто!

До сих пор помню, как душа в пятки ушла, когда я понял, что оказался в ловушке. Бессилие, нервное возбуждение, неверие – я чувствовал все разом. Не могу сказать, что именно я стал тогда делать: кричать, колотить по окнам, плакать, ругаться. Я потерял голову, сердце колотилось как бешеное. Не мог даже прочесть никаких надписей в вагоне, чтобы понять, куда еду или хотя бы как из него выйти. Я метался по вагону, оглядывая все полки в надежде, что там спит еще хоть кто-то. Я был один. Но продолжал бегать туда-сюда, выкрикивая имя брата, умоляя прийти и забрать меня. Звал маму и Каллу, но тщетно. Никто не пришел, и поезд не остановился.

Я потерялся.

И стал оседать от осознания ужаса происходящего, пока наконец не свернулся клубочком. Еще долго я то начинал плакать, то затихал в оцепенении.

Спустя несколько часов бесплодной беготни по вагону я забрался на сиденье у окна – не узнаю ли пейзаж? Виды были похожи на привычные мне дома, но глазу не за что было зацепиться. Я не знал, куда направляюсь, но досюда еще явно никогда не добирался. Дом уже остался далеко позади.

Я впал в какое-то подобие забытья – видимо, психика не выдерживала нагрузки и уже не справлялась. Я хныкал и спал, иногда вглядывался в окна. Есть было нечего, но можно было попить из-под крана в грязных туалетных кабинках в хвосте вагона – того рода, в которых при открытии заслонки все содержимое смывается прямо на пути.

В какой-то момент я проснулся и понял, что состав стоит, мы подъехали к станции. Тут я приободрился – можно же привлечь чье-нибудь внимание на платформе. Но там было ни зги не видно. Входные двери открыть так и не получилось. Я молотил по ним кулаками и кричал, кричал, а поезд дал гудок и тронулся.

В конце концов я окончательно выбился из сил. Невозможно все время пребывать в состоянии паники и ужаса перед неопределенностью, и оно отступило. С тех пор, как мне кажется, я понял, почему мы плачем: тело пытается справиться с тем, перед чем пасуют разум и сердце. Это и стало результатом моих рыданий – я пропустил через себя все эмоции и от этого даже почувствовал себя лучше. Меня сморила усталость, и я то и дело проваливался в беспокойный сон. Оглядываясь назад, я заново переживаю то жуткое чувство, похожее на ночной кошмар: будто попал в западню, остался один-одинешенек, не знаю, где я и куда еду. Помню отдельные эпизоды: вот я у окна, поджилки дрожат; вот свернулся калачиком, поминутно забываюсь тревожным сном. Думаю, поезд где-то останавливался, но двери все равно не открывались, и никто меня не видел.

Впрочем, чем дальше, тем больше во мне просыпалась сметливость, зародившаяся в городских вылазках с братьями. Решил: раз мне не выбраться, дождусь, пока кто-нибудь меня выпустит, а там разберусь, как вернуться домой. Буду поступать, как братья. Они не появлялись дома по нескольку дней, значит, и я смогу. Показали же они мне, как найти ночлег, да я и сам мог о себе позаботиться, раздобыть еду и выпросить немного денег.

А раз поезд меня от дома увез, он же сможет и привезти обратно. Я уселся и стал смотреть в окно, стараясь ни о чем, кроме проплывающих пейзажей, не думать. Поглядим, что из этого выйдет.

* * *

Пейзаж, между тем, менялся: столько зелени я сроду не видел. Тучные поля, высокие деревья без веток, но с огромными пучками длинных листьев на верхушках. Когда из-за облаков выглядывало солнце, все озарялось сочно-зеленым светом. Я смотрел на обезьян, скачущих вдоль путей по зарослям подлеска, и птиц с оперением дивной красоты. Повсюду виднелась вода: в реках, озерах, прудах и на полях. Я будто попал на другую планету. Даже люди казались немного чудными.

Постепенно поезд стал чаще заходить в разные городки, и я видел, как играют у путей дети, пока их матери готовят или стирают на ступенях крыльца. Казалось, никто не замечает одинокого ребенка в окне проезжающего поезда. Города становились крупнее и попадались чаще, поля пропали – обширных пустых пространств теперь не было, только все больше и больше домов, выстроившихся длинными рядами, а еще дорог, машин и рикш. Здания становились выше – и намного выше тех, что я видел в своем городе. Вокруг тянулись вереницы машин и грузовиков, а еще составов на других путях, но главное – всюду были люди, великое множество, больше, чем я когда-либо видел, больше, чем мог представить живущими в одном месте.

Поезд стал сбавлять ход, и стало ясно, что он приближается к какой-то станции. Неужели путешествие подходило к концу? Поезд все замедлялся, пока не стал плестись с черепашьей скоростью, потом дал протяжный гудок и наконец остановился. Во все глаза я смотрел в окно на толпящихся на перроне людей, снующих по нему с багажом в руках. Толпа заполонила станцию, сотни, если не тысячи людей сгрудились у поезда, когда вдруг кто-то открыл одну из дверей моего вагона. Ни секунды не раздумывая, я бросился по проходу и выскочил на платформу. Свобода!

Только когда приемные родители в Хобарте указали этот город на карте, я узнал название места, куда приехал. Даже если мне бы кто-нибудь объяснил это раньше, название ни о чем бы мне не говорило – я его никогда не слышал. А прибыл я в Калькутту – разраставшийся невиданными темпами мегаполис, известный перенаселенностью, загазованностью и чудовищной бедностью, один из самых безжалостных и опасных городов в мире.

Я был бос, а одет лишь в пару замызганных черных шорт и белую рубашку без нескольких пуговиц и с короткими рукавами. Кроме этой одежды, у меня не было буквально ничего. Ни денег, ни еды, ни документов. Я немного проголодался, но это состояние было привычным, так что голод особого беспокойства не доставлял. А вот помощь бы не помешала.

Я, конечно, обрадовался свободе от вагонного заточения, но от напирającej толпы на огромной станции не на шутку струхнул. С дикими глазами я озирался вокруг в надежде увидеть продирающегося сквозь вокзальную сутолоку Гудду, спешащего мне на помощь, будто он мог приехать тем же поездом. Но знакомых лиц не было. Я оторопел, понятия не имея, куда идти и что делать, только инстинктивно уворачивался от людей.

– Гинестлей? Берампур? – выкрикивал я, надеясь, что кто-нибудь подскажет мне, как туда добраться. Но никто в этой толкотне не обращал на меня ни малейшего внимания.

Видимо, в какой-то момент поезд, который меня сюда привез, снова поехал, но не помню, чтобы я это заметил. Да и если бы заметил, запрыгивать в него снова не хотелось – и так я слишком долго был в нем заперт. От страха я застыл на месте, боялся, что, если куда пойду, сделаю только хуже. Не покидая платформы, кричал иногда: «Берампур?» Звуки вокруг меня смешались: люди перекрикивались, звали друг друга, говорили, не переставая, – не разберешь даже, кто что говорит. Большинство были настолько погружены в собственные дела, что ничего вокруг не замечали, только протискивались сквозь эту суматоху к нужным поездкам, пытаясь поскорее попасть, куда им нужно.

Иногда кто-нибудь все-таки останавливался послушать меня, но я ничего толком не мог сказать кроме: «Поезд, Гинестлей?» Люди качали головами и проходили мимо. Один прохожий спросил:

– А где это, Гинестлей?

Я вопроса не понял: ну как... это дом. Как мне ему объяснить, где это? Мужчина нахмурился и пошел дальше. По вокзалу слонялось немало детей-попрошаек, выискивающих, чем поживиться, совсем как мои братья. И я был всего лишь одним из них: бедный ребенок, что-то выкрикивающий, слишком маленький, чтобы кто-то остановился его выслушать.

От полиции по привычке старался держаться подальше. Боялся, что меня запрут, как Гудду однажды. Его арестовали за продажу наборов для чистки зубов на станции и посадили в тюрьму. Там Гудду провел три дня, прежде чем мы выяснили, где он. Кондукторы, полицейские, любые люди в форме – после того случая мы их всех сторонились. Мне и в голову не пришло, что сейчас они-то как раз могли помочь.

Я остался на платформе, даже когда она обезлюдела, никто мною так и не поинтересовался. Засыпал, просыпался, не мог придумать, куда идти и что делать. На следующий день, устав и потеряв надежду, я бросил попытки попросить о помощи. Те люди были вовсе и не людьми, а необъятной единой стихией, как река или небо, до которой было не докричаться.

Однако я был твердо уверен, что раз приехал сюда на поезде, на нем же можно и уехать обратно. Дома я знал, что, чтобы куда-то вернуться, надо сесть в поезд на противоположных путях. Но эта станция оказалась конечной, поезда приходили и останавливались, а после отправлялись с того же пути. Раз никто мне не может сказать, куда они идут, сам выясню.

И я забрался в первый же подошедший к платформе поезд. Неужели так просто? Когда поезд тронулся, я смог лучше разглядеть станцию: здоровенное красное здание со множеством арок и башенок, никогда такого большого еще не видел. Размер меня восхитил, но уезжал я с надеждой больше никогда не увидеть ни его, ни его толпы. Однако спустя час или около того поезд дошел до конечной где-то в пригороде. Затем состав перевели на другие пути, и он вернулся на исполинскую станцию.

Я пересел на другой, но все повторилось. Может, нужный поезд отходит с другого перрона? Здесь их было намного больше, чем в нашем городе. И с каждого уходили поезда нескольких разных типов: некоторые внутри имели купе, а проводники помогали пассажирам подняться, в других люди теснились на деревянных сиденьях – я приехал как раз на таком. Число их пугало, но один непременно шел туда, откуда приехал я, значит, надо продолжать попытки.

И я продолжал. Каждый день – день за днем – садился на новый поезд, покидающий город. Чтобы снова не попасть в ловушку запертого вагона, путешествовал только днем. В начале каждой поездки я прилипал к окну с обнадеживающей мыслью: вот, вот, этот отвезет домой! Это здание, эти деревья я видел! Иногда поезд доезжал до конечной и возвращался. А иногда оставался на ней стоять, и тогда я мог застрять в пустом незнакомом месте до следующего дня, когда состав начинал обратный путь. На конечных я отваживался выходить только с наступлением ночи. Крался под ряды кресел на станции, чтобы не заметили, и ложился спать, сворачиваясь для тепла. Повезло, что тогда еще не было холодно.

Я выживал за счет подобранных с земли объедков: арахиса, оставшегося в брошенных пассажирами пакетиках, или недоеденных початков кукурузы. К счастью, хотя бы кран с водой найти было несложно. Да это и не слишком отличалось от моей прежней жизни, так что, хотя я нередко пугался и чувствовал себя несчастным, я знал, как выжить, а желудку было не привыкать. И я учился жить один.

Так я и ездил туда-сюда, перепробовал много платформ и путей, порой казалось, что я узнаю места, а бывало, понимал, что уехать на этом поезде уже пробовал, но, в конце концов, всегда приезжал обратно.

За все поездки никто ни разу не спросил у меня билет. Конечно, я и сам не садился в вагон, если сразу видел в нем кондуктора, – так мы делали дома – но, если кондуктор приходил потом, у меня билет никогда не проверял. Если бы какой-нибудь человек в форме остановил меня, может, я бы и набрался смелости попросить о помощи, но никто этого не делал. Однажды проводник сообразил, что я потерялся, но тогда я этого не понял и поспешил отстать. Мир взрослых казался недостижимым, так что спасать себя решил сам.

Однако постепенно – где-то через пару недель – я стал впадать в отчаяние. Дом остался где-то вдалеке, но, может, ни один поезд оттуда назад не идет. Или была какая-то другая препопа, разгадать которой я не мог. О городе за стенами вокзала я знал только то, что видел из окон отправляющихся и прибывающих поездов. Может, там был кто-то, кто мог мне помочь, объяснил бы, как попасть домой, или даже просто дал еды.

Зато красную бурлящую станцию узнавал все лучше. Она казалась единственным связующим звеном с местом, откуда я приехал, хотя по-прежнему трусил перед толчеей. Каждый раз, побывав в новом неизведанном месте, я радовался возвращению на громадную станцию, где уже освоился, знал, где переночевать, а где легче найти еду. Конечно, я больше всего на свете хотел найти маму, но к жизни на станции стал привыкать.

А еще заметил кучку детей, которые, похоже, всегда околачивались в конце одной из платформ, а по ночам сбивались друг к другу спать под старыми одеялами. Мы были похожи: им тоже некуда было идти, только они под лавками или в поездах не прятались. Я смотрел на них, а они, вероятно, видели меня, но интереса не проявляли. Мне не хватало смелости подойти, но желание попасть домой перевешивало робость. Раз от взрослых помощи не дождешься, может, хоть дети сжалятся? По крайней мере, они могут разрешить остаться с ними, а в компании будет безопаснее.

Радующие дети не проявили, но и не прогнали, когда я устроился рядом с ними на жестком деревянном сиденье и положил голову на руки. Беспризорники здесь не были редкостью, так что на еще одного прибывшего к ним мальчишку никто внимания не обратил. Устав после очередной дневной поездки, я все же ощущал некоторое облегчение и решил, что на следующий день останусь здесь, где чувствовал себя спокойнее, и моментально заснул.

Однако вскоре что-то меня разбудило – я даже сначала решил, что увидел кошмар. Детские голоса кричали:

– Уйди! Пусти!

Крики не стихали, я различил детские и взрослые голоса, яркий свет фонарей станции слепил. Кажется, какой-то мужчина шипел что-то вроде «пойдешь со мной!».

– Беги-и-и! – истошно крикнул ребенок.

Я вскочил, поняв, что никакой это не сон. В замешательстве смотрел, как взрослые хватают детей, на краю перрона девочка вырывалась из рук мужчины.

Я как рванул! Побежал что есть мочи в слабо освещенную часть платформы, спрыгнул, сиганул через пути и в темноте был таков.

Сломав голову бежал буквально вслепую вдоль большой стены, оглядывался, чтобы посмотреть, гонятся ли за мной, но, даже решив, что никого там нет, ходу не сбавил. Я не знал,

что случилось на станции и почему мужчины хватали детей. Зато одно знал наверняка: меня им не сцапать.

Но опасность таилась не только позади, но и впереди. Пути повернули направо, и я увидел, что прямо на меня несется слепящий фарами поезд. Я успел отпрыгнуть в сторону, когда он с оглушительным ревом промчался в опасной близости от меня. Пришлось вжаться в стену, насколько только смог, и, казалось, поезд ехал мимо целую вечность. Голову пришлось повернуть так, чтобы вовремя увидеть: не заденет ли меня что-нибудь, торчащее из вагона.

Когда поезд проехал, я смог отдышаться. Хотя опасности нового города и пугали меня, я достаточно наловчился жить один и теперь сдаваться не собирался. Думаю, одно из преимуществ пятилетнего возраста для меня заключалось в том, что я не особенно задумывался, что случилось с остальными детьми и что вообще там случилось – главное, сам не попался. Что еще было делать, кроме как идти дальше?

Я продолжил идти по путям, только теперь осторожнее. Когда показалась дорога, с путей ушел и так покинул станцию. С тех пор как приехал – впервые пешком. Машин было много, и это успокаивало. Вскоре дорога вывела меня к берегу широоченной реки, через которую перекинулся колоссальных размеров мост, темнеющий на фоне серого неба. Я отчетливо помню, как у меня дух захватило. Правда, из окон поездов мне уже доводилось видеть мосты больше того единственного, что был в нашем городе, переброшенного через речушку, у которой мы играли с братьями. Здесь же между вытянувшихся вдоль берега прилавков я видел широкую гладь воды, запруженную лодками. Мост возвышался над нею, на пешеходной части было не протолкнуться от людей, а по дороге медленно, но шумно двигался поток велосипедов, мотоциклов, легковушек и грузовиков. Невероятное зрелище для деревенского мальчишки. Сколько же там людей? Это самое большое строение в мире? Открыв для себя город за стенами станции, я растерялся еще больше.

Какое-то время я остоленело таращился на мост, но хоть и чувствовал себя невидимкой, начал беспокоиться о том, что могу привлечь внимание людей вроде тех, от кого только что сбежал, а может, и тех же самых – они могли погнаться за мной. Эти размышления придали мне храбрости, чтобы пройти вдоль торговых рядов и между каких-то строений побольше прямо к берегу. Заросшие травой крутые склоны утопали в тени пышных древесных крон. У кромки воды берег становился илистым, и там яблоку было негде упасть от людей. Кто-то купался, кто-то сидел у небольших костров, женщины мыли на мелководе котелки и кастрюли, из длинных лодок с невысокими бортами носильщики перетаскивали вверх по склону товары.

Дома я был очень любопытным ребенком: как только меня стали отпускать из дома одного, я никогда на одном месте не засиживался. Всегда интересно было узнать, что там, за следующим углом. Потому я и стал так охотно подражать образу жизни братьев – легких на подъем, независимых, – и потому в тот вечер ушел с Гудду из дома. Но на многолюдном вокзале этого пугающе огромного города это стремление притупилось – я хотел поскорее на знакомые улицы родного городка. Так что далеко уходить от исследованного уже вокзала передумал. Я разрывался между желанием вернуться на вокзал и прилегающие к нему тесные пугающие улицы и отправиться к неизведанному, но открытому пространству у речного берега. Город тянулся во все стороны, насколько хватало глаз. Я был совсем без сил от приключений этого дня, недоедания и недосыпа, так что отошел с дороги, чтобы не путаться у людей под ногами, а что делать дальше, не представлял. Я потерялся у торговых лавочек, высматривая, не угостит ли кто чем-нибудь, но оттуда меня быстро шуганули.

Так что я немного побродил вдоль берега и наткнулся на спящих людей, напоминающих дервишей. Дома у нас тоже такие были. Они не были похожи на нашего Бабу из мечети: как и многие мужчины в наших краях, Баба носил белый сальвар-камиз – длинную рубаху и штаны. У этих же были бороды и шафраново-оранжевые одежды, некоторые имели устрашающий вид

из-за оборачивающих голову прядей длинных грязных волос и красно-белой краски на лицах¹. От жизни на улице вид у них был такой же неряшливый, как у меня. От взрослых я старался держаться подальше, но ведь никто плохой не найдет меня здесь, среди святых людей? Я прилег рядом с ними, свернулся и положил голову на руки, как на подушку.

Утром проснулся уже один. Святые люди ушли, солнце поднялось высоко, мимо спешили прохожие. Так я пережил первую ночь на улицах Калькутты.

¹ По всей видимости, Сару встретил индуистских монахов-садху. (Здесь и далее прим. перев.)

Выжить

В животе, как всегда, урчало, но хотя бы раздобыть еды на берегу широкой реки оказалось проще, чем в красных стенах вокзала, куда меня забросило несколько дней назад.

Поскольку торговцев очередной маленький попрошайка, похоже, ничуть не трогал, я пошел вдоль кромки воды, прикинув, что там наткнусь на кого-нибудь, кто готовит еду. При свете дня я окончательно убедился, что еще никогда таких больших рек не видел. Эта, правда, еще была грязная и вонючая, по поверхности плыли трупы животных, человеческие экскременты и мусор. Я прокладывал себе путь вдоль берега, когда вдруг с ужасом увидел в горе мусора два тела. У одного было перерезано горло, у другого отрезаны уши. Мне уже доводилось видеть мертвых, когда в родном городке кто-нибудь умирал, но там следили, чтобы все делалось честь по чести. А чтобы просто наткнуться вот так на улице... Здесь, похоже, до них проходим дела было не больше, чем до плывущих тушек животных, хотя эти люди умерли явно не своей смертью. Тела лежали на виду под палящим солнцем, их уже облепили мухи и, как оказалось, начали глодать крысы.

От такого зрелища меня замутило, но больше всего поразило другое. Увиденное только подтверждало то, о чем я уже стал догадываться: в этом городе борьба за жизнь идет каждый день. Опасность ждала на каждом углу, и любой мог оказаться грабителем, похитителем и даже убийцей. Все страхи проснулись разом. Неужели в таком мире жили братья? Не поэтому ли они никогда не разрешали мне покидать станции, когда мы путешествовали вместе? Что же случилось с Гудду на том вокзале? Во что он влип, почему не пришел, когда я проснулся? Может, и он так же меня искал повсюду? А что родные думают, со мной случилось? Ищут ли или думают, что я погиб, пропал навсегда?

Больше всего мне хотелось к маме, Гудду, к семье, чтобы меня защитили, обо мне позаботились, но я знал, что придется собрать все силы, чтобы иметь хоть призрачную надежду на возвращение. А не то пропаду или даже умру на берегу этой широкой мутной реки. Здесь рассчитывать можно только на себя. И я взял себя в руки.

Повернувшись спиной к мосту, я направился к спускавшимся к воде каменным ступеням, на которых люди купались и стирали. Вдоль ступеней спускалась вниз широкая ливневка, по которой с улицы стекали грязь и дождевые потоки. В воде плескались и дурачились дети, и я побежал к ним. Как и многие туристы, теперь я сам удивляюсь, как можно купаться или стирать в реке, превратившейся одновременно в канализацию и кладбище, но в то время мне эта мысль и в голову не приходила. Где же еще стирать и купаться, как не в реках. Как я позже узнал, это еще и подходящее место для героизма.

Другие дети были совсем не прочь принять меня в компанию, и мы вместе играли в воде – лучшем спасении от палящего солнца. Некоторые без малейшей опаски спускались по ступеням на довольно приличную глубину, но я заходил не дальше, чем по колено. Плавать я не умел, хотя братья и учили меня у плотины за городом. За исключением сезона дождей, наша река оставалась спокойной и неглубокой, как раз для детей. Но купаться мне нравилось. И никогда я не получал от воды такого удовольствия, как в тот день, – здорово было снова стать обычным ребенком, играющим с другими детьми.

Ближе к полудню они ушли домой. Я остался на ступенях, мечтая, чтобы день длился вечно. Но река была полна неожиданностей. Я не заметил, что уровень воды, по-видимому, в течение дня менялся, и, когда прыгнул на безопасный до этого участок, вдруг погрузился с головой. Течение было сильным, и меня понесло дальше по ступеням. Я отчаянно забултыхался и забарахтался, отталкивался от дна, пытаясь выбраться на поверхность и глотнуть воздуха, но поток бросал меня то вверх, то вниз. В какой-то момент до поверхности оказалось слишком далеко. Я тонул.

И вдруг услышал всплеск рядом, какая-то сила потянула меня вверх и вытащила на ступени. Оказавшись на них, я стал откашливать грязную воду и отфыркиваться. Меня спас бездомный старик, который прыгнул в воду и ухватил в последний момент. А потом молча повернулся и пошел вверх по ступеням к берегу, где, видимо, и жил.

Наверное, доброта незнакомца усыпила мою бдительность, а может, просто потому что мне было всего пять, но, когда на следующий день я пошел купаться на реку, то по глупости прозевал прилив и усилившееся течение и вновь попал в передрагу. Как ни странно, спас меня тот же бездомный. Наверное, он приглядывал за мной, когда заметил, что я вернулся. На этот раз на нас обратили внимание прохожие. Люди смотрели, как мужчина помог мне выбраться на ступени, где я откашливался еще дольше прежнего. Нас обступили, и, судя по обрывкам фраз, люди считали это спасение божественным провидением – мол, не пришло еще его время.

Наверное, я стушевался от множества сгрудившихся и глазающих на меня людей или устыдился и разозлился сам на себя, оттого что второй раз чуть не утонул, но, так или иначе, вскочил на ноги и просто сбежал, только пятки сверкали. Остановился, только когда окончательно выбился из сил, и клятвенно себе пообещал, что к реке больше – ни ногой.

Так что я так и не поблагодарил того бездомного, моего ангела-хранителя, спасшего меня не один, а два раза.

Убегая от толпы, я очутился в незнакомом районе, а на улице темнело. До наступления ночи на привычное место на берегу я бы не успел вернуться, так что ночлег надо было искать поскорее. Я набрел на какую-то заброшенную фабрику, на темных задворках которой высилась куча мусора. Чувствуя, что совсем устал, я нашел себе картонку и улегся за кучей. Пахло там скверно, но теперь я к этому почти привык – зато место было укромное.

В ту ночь меня разбудил лай своры бродячих собак, гавкающих в свете уличного фонаря неподалеку. Я схватил булыжник, подобрал еще несколько камней, до которых смог дотянуться, но так, видимо, и заснул, потому как проснулся от жарких солнечных лучей, бьющих прямо в глаза. Камни лежали рядом, но собак нигде видно не было.

В скором времени я уже знал все окрестности вокзала, прилегающие к нему магазинчики и киоски, где можно было пожить. Запахи от них разносились дурманные: манго и дыни, жареные пряные закуски, а от палаток со сладостями – ароматы гулаб джамуна и ладду². И куда ни глянь – везде люди ели: вот мужчины беседуют и щелкают арахис, там пьют чай, отщипывая по виноградинке от грозди. В такие минуты меня терзал голод, и я шел попрошайничать к лавочникам. Меня всегда прогоняли, как и еще с полдюжины детей, – слишком нас было много, чтобы проявлять милосердие.

Я подолгу глядел на евших – они были не богаче моей семьи, так что годной еды после себя не оставляли, но что-то могли уронить или доесть не до конца. Урн здесь не было, так что, когда есть заканчивали, остатки просто бросали на землю. Я быстро смекнул, какими отбросами вполне можно питаться, мы же и дома с братьями знали, какую еду подбирать на станции. Жареные кусочки, например, самосы³ можно есть без опаски, надо только отряхнуть от налипшей грязи. Но их все хотят – надо опередить стаю других голодных детей. Я больше выискивал то, что чаще всего просыпают: орешки или острую ореховую смесь бхуджу с нутом и чечевицей. Иногда везло на кусок лепешки. Острое чувство голода мучило нас всех, так что за обеды приходилось бороться. Меня нередко отпихивали, а могли и огреть. Мы, как голодные псы, грызлись за кость.

² Гулаб джамун, ладду – традиционные десерты индийской кухни в форме шариков. Гулаб джамун готовится из сухого молока и муки, обжаривается во фритюре и подается в сахарном сиропе. Ладду делается в основном из масла, орехов, сахара и специй.

³ Самоса – индийская разновидность самсы, отличительной особенностью которой является исключительно вегетарианская начинка.

Хотя обычно ночевал я поближе к реке и станции, близлежащие улицы тоже начал исследовать. Может, во мне снова проснулось врожденное любопытство, но еще меня вела надежда найти за новым поворотом что-нибудь съестное, а может, доброго лавочника или ящик с рыночными отбросами, до которых еще не успели добраться другие бродяжки. В большом городе – большие возможности!

А еще город был полон опасностей. Помню, во время одной из вылазок я очутился в квартале теснившихся друг к другу ветхих домов и лачуг, держащихся лишь на бамбуке и изъеденной ржавчиной арматуре. Вонь стояла невыносимая, будто кто умер. Я заметил, что люди как-то странно на меня посматривают, создалось ощущение, что мне сюда нельзя. Встретил парней, куривших самокрутки, – они так на меня глянули, что я почувствовал себя не в своей тарелке.

Один из парней, размахивая сигаретой в руке, встал и направился ко мне, что-то громко говоря. Остальные заржали. Я ни слова не понимал и стоял, не зная, что делать. Тут он подскочил и зарядил мне две оплеухи, не переставая мне что-то говорить. Я ошеломленно замер и расплакался. Тот меня снова с силой треснул, я повалился на землю и заревел под гогот мальчишек.

Поняв, что дело пахнет жареным и надо бы отсюда выбираться, постарался взять себя в руки. Встал, развернулся и пошел твердым шагом, как уходят от злой собаки. Лицо пылало. Может, если дать им понять, что я на их территории оставаться не собираюсь, меня оставят в покое? Но, когда они двинулись за мной, я бросился бежать со всех ног. Сквозь слезы углядел узкий проход между домами и влетел в него, как раз когда брошенный одним из преследователей камень ожег мне руку.

Я протиснулся в проход и очутился в замкнутом дворе. Выхода не было, а по другую сторону кричали мальчишки. Во дворе было море мусора, и одна мусорная волна поднималась как раз у дальней стены – по ней можно было бы взобраться и сигануть через стену. Пока я прокладывал путь через двор, шайка появилась из другого хода, который я не заметил. Они стали выуживать будущие снаряды из ржавого бака, а главарь все на меня кричал. И вот первая бутылка взмыла в воздух и врезалась в стену позади меня. За ней последовали другие, пушечными снарядами свистя совсем рядом, – рано или поздно какая-нибудь попадет точно в цель. Спотыкаясь и пригибаясь, я добрался до мусорного холма, к счастью, мой вес он выдержал. Вскарабкавшись, я вылез на стену и побежал вдоль по ней, молясь, чтобы никто за мной не погнался. Бутылки продолжали лететь в стену и свистели у моих ног.

Наверное, сам вид того, как я улепетывал, повеселил шайку. Они изгнали чужака со своей территории и гнаться не посчитали нужным – я и без того уносил ноги как можно скорее. Чуть позже я нашел прислоненную к стене бамбуковую лестницу, по которой спустился на чей-то задний двор. Прокрался через дом к входной двери и прошмыгнул мимо сидящей женщины с ребенком. Похоже, она меня даже не заметила, и я тут же смешался с толпой, желая поскорее вернуться к мосту.

Даже у реки я не только искал себе пропитание, но и приглядывал безопасные места для ночлега. Довольно часто, когда я возвращался на уже освоенное место, оно оказывалось занято, так что приходилось искать новое. Зато иногда находилось что-нибудь получше. Поскольку спать приходилось под открытым небом, да еще и у всех на виду, нормально отдохнуть не получалось. Однажды в полнолуние я брел по берегу и так впервые оказался под массивными опорами моста. Там обнаружили несколько сдвинутых вместе небольших деревянных настилов, на которых вместе с подношениями вроде кусочков кокоса и монеток стояли изображения и фигурки богини-воительницы Дурги, ее я узнал. Великая богиня, Магадеви, сидела верхом на тигре, а в ее многочисленных руках было зажато разящее оружие, которым, как я помнил из рассказов взрослых, она победила демона. Подсвеченный мерцающими огоньками террако-

товых ламп, ее лик внушал страх. Но в этих разгоняющих тьму вокруг меня огоньках было и что-то успокаивающее, так что я уселся прямо под мостом, глядя на реку. Я, как всегда, был голоден, так что не мог устоять перед искушением: схватил несколько кусочков фруктов и кокосовой мякоти и съел. Прихватил и немного монет.

Уходить не хотелось. Казалось, здесь со мной ничего не случится. Помимо небольших алтарей над водой нависали какие-то балки. Я проверил их на прочность и вскарабкался. Похоже, я попал в место культа, куда люди приходили молиться богине. Лежа на жестких балках и слушая журчание реки под ними, я думал о семье, о том, как они теперь живут, и том, что они, должно быть, точно так же волнуются обо мне.

Вспоминая те минуты, я понимаю, что тогда чувства уже немного отличались от тех, что я испытывал, только попав в город. Они притупились, было уже не так больно, но они стали глубже. Даже если дома все осталось как прежде, я теперь стал другим. Я все так же отчаянно мечтал вернуться, но чувство уже перестало быть всепоглощающим. Я не терял надежды найти родных, хотя думал в основном о том, как выжить здесь, прожить очередной день. Казалось, я уже лучше приспособился к такой жизни, чем жизни дома, который не мог отыскать. Дом – потерянный дом – теперь казался еще дальше. Наверное, я даже начал думать, что теперь мой дом здесь, пусть и временно.

На следующее утро я проснулся и увидел, что неподалеку медитирует один из нищенствующих монахов-садху в шафрановом одеянии. Вскоре к нему присоединились и другие, некоторые были обнажены по пояс, часть несла узорчатые посохи⁴. Я тихонько ушел. Понял, что спал на их месте и даже взял кое-что из подношений, а на балках они, наверное, хотели соорудить еще один маленький алтарь богини Дурги. Но меня никто не тронул, даже не разбудил, и в тот момент я чувствовал себя в безопасности рядом с ними, как будто наши пути ненадолго соприкоснулись.

Иногда, когда заняться было нечем, я возвращался к железной дороге и бродил среди множества путей. Там всегда были и другие люди, которые что-нибудь искали или просто убивали время, как я. Может, они тоже потерялись и гадали, по какому из путей можно уехать домой. Изредка проходил поезд, гудком предупреждавший о своем приближении.

В один из тихих, но душных дней я слонялся там, пока не одурел от жары, присел на рельсы и едва не заснул. Ко мне подошел мужчина в засаленной белой рубашке и штанах и спросил что-то вроде чего это я болтаюсь в таком опасном месте. Я пробормотал что-то нечленораздельное в своей обычной манере, а он не просто меня понял, но и сам стал говорить медленнее и четче, чтобы его понял я. Он сказал, что детей здесь нередко насмерть сбивают поезда, а другие лишаются рук или ног. Сказал, что вокзалы и сортировочные станции опасны, это не место для игр.

Я ответил, что потерялся, и, воодушевившись тем, что незнакомец достаточно терпелив, чтобы меня слушать и даже разбирать мою речь, стал объяснять, что я из Гинестлея, но никто, похоже, не знает, где это, и вот я остался один, без семьи, и идти мне некуда. Выслушав рассказ – а я впервые смог объяснить все кому-то толком, – мужчина сказал, что может взять меня к себе, накормить, напоить и приютить на ночь. Я был вне себя от радости. Неужели кто-то наконец остановился мне помочь и хочет спасти меня! Я пошел с ним без раздумий.

Незнакомец оказался железнодорожным рабочим, который жил в хибарке у путей у того места, где они все сходились в единую связку и шли к величественному красному вокзалу. Самодельная бытовка была собрана из гофрированных железных листов и толстой фанеры, крепившихся к деревянному каркасу. Там же жили и другие работяги, и меня позвали ужинать со всеми. Впервые с тех пор, как потерялся, я сидел за столом, ел приготовленную кем-то еду,

⁴ Вероятно, речь идет о кхвантанге – ритуальном посохе или жезле, в индуизме считающемся атрибутом боевой ипостаси различных богов, в том числе богини Дурги (воинственным обликом богини Парвати).

и она еще даже не успела остыть. Ели мы чечевичный дал с рисом, который приготовил один из рабочих в небольшом очаге в углу лачуги. Рабочие, похоже, не возражали против моего присутствия и ничуть не возмутились тому, что трапезу пришлось разделить. Они сами были очень бедны, но благодаря скудному заработку разительно отличались от бродяг. У них была крыша над головой, достаточно еды, чтобы не голодать, и работа, какой бы трудной она ни была. Пусть много мне дать не могли, но отличала их сама готовность накормить и приютить незнакомца. Я будто попал совсем в другой мир, а разделяли эти миры всего лишь железные листы и пригоршня чечевицы. Второй раз я почувствовал, что жизнь мне спасло милосердие постороннего.

У дальней стены хибары нашлась свободная лежанка из сена, и так мне там сладко и спокойно спалось, будто я домой вернулся. Мой рабочий упомянул, что знает кого-то, кто мог бы мне помочь, и обещал позвать этого человека на следующий день. Я испытал несказанное облегчение, все это злосчастное приключение уже казалось мне ночным кошмаром. И скоро я буду дома. На следующий день все ушли на работу, а я остался дожидаться своего спасителя.

Как и было обещано, на завтра пришел человек, который тоже говорил медленно и просто, чтобы я понимал. На нем был хороший, аккуратный костюм, и он рассмеялся, когда я указал на его примечательные усы: «Капиль Дев!» – имея в виду капитана сборной Индии по крикету, на которого тот был похож. Он присел на мою лежанку и сказал:

– Иди-ка поближе и расскажи, откуда ты взялся.

И я поведал ему о том, что со мной случилось. Он как можно подробнее расспрашивал о моем городе, обо всем, что могло помочь определить место, и, пока я как мог старался объяснить все в подробностях, он улегся и меня пригласил лечь рядом.

За время приключения со мной случилось много чего хорошего и плохого, я принимал и удачные, и неудачные решения. Инстинкт самосохранения меня иногда подводил, но за недели скитаний по городу он обострился, в случае опасности приходилось принимать решения и головой, и интуицией. На улице без чуйки не выжить. Наверное, ни один пятилетка не чувствовал бы себя спокойно, лежа рядом с незнакомым мужчиной. Ничего особенного не происходило, мужчина меня не трогал, но, несмотря на радужные, усыпляющие бдительность обещания, что я вот-вот отправлюсь домой, я понимал, что дело неладно. И еще знал, что нельзя было показывать свое недоверие, – пока сделаю вид, что все в порядке. Пока он рассказывал, что на следующий день мы пойдем в какое-то место и он постарается отправить меня домой, я кивал и поддакивал. В то же время я не просто знал, что с этим человеком водиться опасно, но и что нужно готовить план побега.

Вечером после ужина я мыл посуду в старом облезлом тазу, стоявшем в углу хибары у двери, как и в прошлые два вечера. Мужчины снова пошли курить и чаевничать и вскоре увлеклись разговором и шутками. Самое время. Я выбрал подходящий момент и рванул к двери. Бежал, как от смерти, хотя сейчас понимаю, что, возможно, так и было. Я надеялся, что мужчины от неожиданности замешкаются, и это даст мне фору в погоне. И снова я бежал в ночь по путям и незнакомым улицам, не разбирая дороги, с одной лишь мыслью – удрать.

Довольно скоро я выдохся и, замешавшись в толпу, замедлил бег. Может, никто и не думал за мной гнаться, а если и погнался, то точно уже отстал. И тут я услышал, как кто-то зовет меня по имени совсем рядом. Я вздрогнул, будто по мне электрический разряд прошел. Тут же пригнулся, хотя и так по росту был ниже людей вокруг, и направился в самую гущу толпы в нешироком переулке, где с лотков торговали уличной едой. Оглядевшись, я заметил пару мужчин, которые по виду могли быть моими преследователями: лица суровые, мрачные, озираются, движутся быстро. И тут я узнал в одном из них того самого рабочего, который меня привел. Я поспешил прочь, но на улице уже было не протолкнуться, так что улизнуть не получалось. Надо было прятаться. Я нашел небольшой проход между двумя домами и втиснулся в него, забился так глубоко, как мог, и уперся в торчащую из стены сточную трубу, достаточно

широкую, чтобы спрятаться. Не обращая внимания на паутину и заливавшую руки грязную воду, я лицом ко входу вполз в нее на четвереньках, так что с улицы меня видно не было. Те, кто были снаружи, пугали меня куда больше темной трубы. Если меня найдут, деться уже будет некуда.

Я слышал, как один из них говорит с продавцом фруктового сока, чей лоток стоял совсем близко к моему убежищу. Я даже с ужасом вспоминаю, что выглянул ровно в тот момент, когда мой рабочий обшаривал проход хмурым взглядом, который как будто остановился на мне, но лишь на мгновение. Неужели меня действительно чуть не поймали? Видел ли я того самого человека? Теперь уже с уверенностью сказать не могу, но это воспоминание особенно сильно врезалось в память, наверное, из-за потрясения от предательства: я же доверился этому человеку, верил, что он мне поможет, и казалось, что подо мной земля разверзлась и чуть не поглотила. Никогда не мог забыть, какого натерпелся страху.

Еще какое-то время я посидел в укрытии, пока не убедился, что тот человек и остальные преследователи ушли, потом выбрался и зашагал по самым темным улицам и закоулкам. Сердце разрывалось от мысли, что все надежды разбились вдребезги, но и облегчение от спасения чувствовалось. Хотя бы чутье теперь работало на всю катушку. В каком-то роде я повзрослел, научившись заботиться о себе самостоятельно.

Спасение

Я так боялся, что меня снова найдут рабочий с его друзьями, что больше в окрестностях вокзала решил не показываться. Не считая редких вылазок в близлежащие районы, я до сих пор осторожничал отходить далеко от того места, куда приехал на поезде. Но теперь пришлось. Впервые я решился перебраться на другой берег реки.

Людей на тротуарах по обеим сторонам моста было не меньше, чем на вокзале, но народ здесь был куда более разношерстный. Большинство куда-то спешило с деловым видом поодиночке и группами, но некоторые праздно шатались так, как будто здесь же, над водой, и жили. Приходилось уворачиваться от снующих туда-сюда семейств с тюками и людей, вышагивающих с высоченными кипами товаров на голове. Проходил мимо попрошаек-калек: у кого руки не было, у кого ног или глаз, у некоторых исхудалые лица были обезображены болезнью. И все просили кинуть в жестяную миску рупию или какой-нибудь еды. Посередине дороги шло оживленное движение, в этом хаосе мелькали и рикши, и гужевые повозки, и даже бесхозные коровы. Столпотворение поражало. Я протискивался меж ними как мог и свернул с главной дороги, как только перебрался на другую сторону. Стало немного тише, и я безо всякой цели двинулся в лабиринт улиц и переулков, от всякого ожидая и беды, и помощи. Из-за обманувшего меня рабочего распознать намерения теперь будет труднее. Хотя тот случай научил меня держать ушки на макушке, он еще и показал, что одному на улице долго не выжить – опасности слишком коварны, слишком незаметны. Моя подозрительность обострилась, как никогда, люди представлялись либо равнодушными, либо злыми, но обострилась и нужда отыскать того, кто по правде сможет мне помочь, как тот бездомный у реки. Хотелось держаться подальше от людей, но и найти выход тоже. Так что надо было держать ухо востро. Остаток моего путешествия прошел под знаком настороженности и поисков счастливой звезды.

Понемногу меня снова потянуло к людям. Как-то, гуляя по улицам своих новых владений, я увидел мальчика примерно моего возраста, который громко разговаривал сам с собой, а может, со всем миром вокруг. Заметив мой взгляд, он поздоровался, и мы, немного смущаясь, поболтали. Он, кажется, знал больше слов, чем я, говорил почти не хуже взрослого, так что, наверное, ходил в школу. Мальчик показался мне славным, и мы поиграли на улице. Потом он пригласил меня пойти к нему домой. С некоторой опаской я последовал за ним.

Когда мы пришли, он познакомил меня с матерью, а я коротко рассказал о своих злоключениях. Его мама предложила мне пообедать с ними и даже остаться в доме, пока не найдется кто-нибудь, кто сможет отправить меня домой. Я не чувствовал никакого подвоха, казалось, они искренне беспокоятся обо мне. Нельзя было представить, чтобы эта сердобольная женщина причинила мне вред, да и я был рад убраться с улиц. Даже за короткое время у рабочих я немного отвык спать под открытым небом, и безопасность стен манила еще больше. Я был на седьмом небе оттого, что нашел приют, получил еду и крышу над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.